

ИМЕННЫЕ КЛАССЫ СЛОВ В МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ

О. Расшифровка темы. Материал и исходные положения

Коротко о терминах, употребленных в заголовке. Основной материал, который мы собираемся здесь использовать, взят из бурятского и халха-монгольского языков. Делается это для большей наглядности, в соответствии с традицией и из соображений удобства печатной техники (чтобы не прибегать к особой транскрипции). Мы не будем заниматься сравнением монгольских языков, но не для того, чтобы избежать сложностей, а потому, что большинство предлагаемых обобщений в равной или почти равной степени можно отнести ко всем языкам монгольской группы. На материале бурятского и халха-монгольского языков велась основная дискуссия по нашей теме¹, поэтому, полемизируя с предшественниками, удобнее

оставаться на их "территории", тем более что большинство из них уже не имеют возможности ни возразить, ни согласиться с нами.

Выражение "класс слов" мы используем в качестве эквивалента термина "часть речи". Это не значит, что последний устарел или неверен. Как всякий термин, "часть речи" – всего лишь ярлык, знак стоящего за ним понятия, а это понятие у большинства исследователей раскрывается именно как класс, множество слов, какие бы ни выбирались способы членения текста на слова и способы классификации. Но существует и иное представление о частях речи – как об универсальных категориях, которые могут быть не идентичны классам слов в конкретных языках и не являются постоянной характеристикой слова (Г. Габелени, Л.В. Шерба). Л.В. Шерба мотивировал такой подход субъективизмом "научной" классификации и призывал "разыскивать, какая классификация особенно настойчиво навязывается самой языковой системой"¹. Во избежание двусмысленности мы и употребляем термин "классы слов", надеясь разыскать "навязываемые языковой системой" основания классификации.

Любая классификация определяется целями исследования и практики и допускает известный произвол при единственно неоспоримом условии, предъявляемом любой классификации, – быть логически непротиворечивой³. Основная цель, которая, как нам кажется, должна стоять перед исследователем в данном случае, – это создание строго логичной системы классов, которая могла бы эффективно использоваться как часть языковой модели. Отсюда вытекает и еще одна задача: выбрать наиболее подходящую форму фиксации языковой модели для преподавания данного языка на любом уровне.

"Слово" – термин многозначный. В нашем случае под словом следует понимать парадигматическую единицу, лексему, которая связана с синтагматическими единицами – словсформами – так же, как связана фонема с аллофонами, морфема с алломорфами. Вопрос о лексеме заслуживает особого рассмотрения и будет разобран в одном из последующих пунктов.

И наконец, еще об одном термине, входящем в заглавие и характеризующем нашу тему. Что надо понимать под именными классами слов? В европейской традиции "имя" – общее название для существительных, прилагательных, числительных. Примерно так же употреблял этот термин и Алексей Бобровников, объединяя под ним все склоняемые слова⁴. В дальнейшем, когда некоторое распространение получило представление о монгольском прилагательном как о классе неизменяемых слов⁵, термин "имя прилагательное" стал звучать парадоксально или, по крайней мере, нетрадиционно, поскольку термин "имя" всегда связывался с категорией падежа.

Отличается от европейской традиции и взгляд многих монголоведов на наречия, которые не считались в монголистике противопоставленными именам. Ср. высказывания Н.Н. Поппе: "Внутри имени в широком смысле этого слова выделяются..."⁶ и Г.Д. Санжеева: "Наречия... суть такие имена..."⁷ Мы не хотим в пreamбуле вдаваться в такие вопросы, тем более что здесь дело касается уже

не только терминологии, но и самой классификации слов, и условно объединяем под термином "именные классы" все классы знаменательных слов, исключая глагол, оставаясь, таким образом, в русле монголистической традиции.

1. Определение объекта классификации. Лексема

Изложенный в преамбуле взгляд на лексему вполне традиционен, в основных монголоведных работах о частях речи подразумевался именно такой подход к объекту классификации. Например, у Д.А. Алексеева: "...существительные могут выступать в функции любого члена предложения, отчего они, однако не перестают быть существительными..."⁸

Члены одной и той же лексемы имеют разные формы и могут занимать различные синтаксические позиции — так, видимо, следует понимать и примеры Г.Д. Санжеева, для которого "предметное имя" модон 'дерево, деревянный' остается одной и той же единицей в модон хурээ 'деревянная лопата' и в модоной орой 'верхушка дерева'⁹.

Все словоформы, входящие в лексему, имеют фонетически сходный элемент — основу (если отвлечься от супплетивизма). Именно основа и в плане выражения, и в плане содержания (лексическое значение) является определяющим звеном в отождествлении словоформ, но основа не тождественна лексеме, это единицы разных уровней: соединение основ и граммем составляют словоформы, а лексема — это класс словоформ¹⁰.

Лексема имеет "основной" вариант — обычно мы его видим записанным в словаре. Хотя это и условность, но для любой модели лучше выбирать такой "основной" вариант, который позволил бы составить наиболее простые правила перехода к другим словоформам, т.е. правила сочетаемости основ и граммем¹¹.

Чтобы определить всю совокупность словоформ данной лексемы, мы должны, в идеале, выбрать все отрезки текста содержащие, на наш взгляд, идентичные (с точки зрения данной лексемы) словоформы. Как при любой операции со знаками, мы должны при этом руководствоваться и формой, и значением. У всех словоформ лексемы — одно и то же лексическое значение. Различия в фонетическом облике основы должны подчиняться признаку компонентарной дистрибуции (дополнительного распределения), т.е. множества контекстов у основ не должны пересекаться, иначе мы рискуем свести в одну лексему синонимы, например, самолет, аэроплан и т.п.

Такое определение не может вызвать особых возражений хотя бы потому, что оно слишком общо и ни к чему не обязывает. Если мы не выработаем конкретных формальных операций для определения лексемы, такое обстоятельство, как, скажем, различный взгляд на лексическое значение, синонимию, омонимию и пр., может дать совершенно различные результаты при идентификации словоформ и в конечном итоге при классификации слов. Так, примеры со словом модон, приведенные выше, Д.А. Алексеев в отличие от Г.Д. Сан-

жева рассматривает как случаи употребления двух различных лексем: существительного – модонной орой 'верхушка дерева' и прилагательного – модон гэр 'деревянный дом', аргументируя тем, что "...изменяется и само лексическое значение слова..."¹². Поступируя две лексемы вместо одной, Д.А. Алексеев тем самым "сводит к нулю" проблему "предметных имен" Г.Д. Санжеева.

Мы видим, что проблема идентификации словоформ вырастает до одной из самых существенных по своим последствиям для классификации. Поэтому представляется необходимым провести здесь небольшой анализ этой проблемы. Примером может служить вышеупомянутый вопрос о слове модон. Не будем разбирать подробно предшествующие работы на эту тему. Мнения Г.Д. Санжеева, Д.А. Алексеева, Т.А. Бертагаева, Ш. Лувсайвандана, М.Н. Орловской и других достаточно известны¹³. Следует только сказать, что ряд аргументов этих исследователей приводится в терминах частей речи, что нам представляется не вполне корректным – определение объекта классификации происходит фактически после самой классификации. Подобная рекурсия была бы допустимой, если бы речь шла о каком-то маргинальном, малозначительном фрагменте языковой системы. Но мы знаем, что "проблема модон байшин" – это проблема весьма обширного круга явлений не только в монгольских языках¹⁴, и она требует фундаментального подхода.

Все члены лексемы имеют, по определению, одно и то же значение. Следовательно, если мы знаем, как идентифицировать лексическое значение, то этого вполне достаточно, чтобы идентифицировать и словоформы. Но, к сожалению, все здесь не так просто. Об этом можно судить, например, по диаметрально противоположным мнениям Г.Д. Санжеева и Д.А. Алексеева, которые несомненно имели достаточно адекватное представление о лексическом значении слова в бурятском и монгольском языках. Нужно найти какие-то реальные признаки лексического значения, которые могли бы подкреплять или, наоборот, корректировать выводы исследователей, полученные на основе лишь их языковой интуиции.

Употреблению словоформ в различных контекстах и употреблению различных словоформ сопутствует различие в грамматическом значении: модые хорөөдэхэ 'распилить дерево', модоор юмэ хэхэ 'сделать что-то из дерева' – здесь формы винительного и орудного падежей занимают различные синтаксические позиции, имеют различное грамматическое значение. Контекст употребления каждой словоформы определяется соответствующим глаголом-сказуемым, это контекст подчинения. Грамматическое значение словоформы обусловлено подчинительной синтаксической связью с доминирующим словом. Эта связь может быть довольно разнообразной, но в любом контексте и в любой словоформе, поскольку речь идет о членах одной и той же лексемы, лексическое значение должно быть одним и тем же, как идентичной остается во всех случаях основа словоформы. Таким образом, лексическое значение – это константа, и если переменное грамматическое значение соответствует пе-

ременному контексту, то постоянное лексическое значение должно иметь свой постоянный контекст. Такой контекстуальной константой является зависимое окружение словоформ.

Так, мы можем снабдить рассматриваемое слово определениями, и эти определения (зависимые слова) удерживаются при данном слове, какую бы форму оно ни имело, и какую бы позицию эта форма ни занимала: энэ (тэрэ, һайн, муу...) модые хорөөдэхэ 'распилить это (то, хорошее, плохое...) дерево', энэ (тэрэ, һайн, муу...) модоор юумэ хэхэ 'делать что-нибудь из этой (той, хорошей, плохой...) древесины' 15.

Зависимое окружение слова (в нашем случае – для именных классов слов – это исключительно определения) чрезвычайно чувствительно к лексическому значению, оно регламентируется даже небольшими филиациями значения, не говоря уже о полисемии или омонимии (например, номер может быть просторным в значении 'комната', но не может быть просторным в значении 'число' и т.д.)

Критерий идентификации словоформ (или критерий идентичности лексического значения) можно сформулировать следующим образом: словоформы, принадлежащие одной и той же лексеме, в любом контексте сохраняют одно и то же зависимое окружение.

Отсюда не следует, конечно, что члены разных лексем должны иметь разное окружение (например, синонимы), но следует, что различное окружение говорит о том, что перед нами различные лексемы.

Рассмотрим с этой точки зрения наши исходные примеры, введя зависимые слова для словоформ, содержащих основу модо(н). Что означают сочетания энэ модон гэр и энэ модоной орой? Очевидно, что если во втором случае определение энэ можно отнести к слову модной, то в первом ничего подобного не получается: значение сочетания – 'этот деревянный дом', а не 'дом из этой древесины'. Таким образом, слово модон в сочетании модон гэр не имеет тех валентностей, которые находятся у модон из других сочетаний, и оно должно быть признано словоформой, принадлежащей другой лексеме.

По данному критерию Д.А. Алексеев оказывается прав в том, что разделяет эти две лексемы. Вопрос же о статусе модон в сочетании модон гэр (прилагательное ли это?) остается пока открытым. Попутно надо отметить, что примеры Д.А. Алексеева подобраны не лучшим образом: в них не учтена полисемия 'дерево'/'древесина'. Вместо сочетания модоной орой стоило взять, скажем, модоной шанар 'качество древесины'.

Этот же критерий можно применять и для установления границ лексемы в случаях так называемых адъективизации, субстантивации, адвербиализации и других сходных вопросов, которые всегда сопутствовали дискуссиям о частях речи. Например, легко устанавливается идентичность словоформы һайн в сочетаниях һайн мори 'хороший конь' и һайн амарха 'хорошо стдыхать' по идентичной валентности маша (ехэ...) пайн мори 'очень хороший конь', маша (ехэ...) пайн амарха 'очень хорошо отдыхать', и, следовательно, можно не

поднимать вопроса об адвербиализации хайн (что это такое: прилагательное, наречие или нечто иное, — это уже вопрос классификации и терминологии).

Игнорировать факт сохранения или изменения валентности в подобных случаях мы не можем, как не можем не учитывать любое существенное свойство языковых единиц. Но, вероятно, можно по-разному интерпретировать одно и то же явление. Мы видим, что такие выдающиеся знатоки монгольских языков, как Г.Д. Санжеев, Н.Н. Поппе и Ш. Лувсанвандан выделяют слова типа модон как единые лексемы особого класса. Попытаемся раскрыть истоки такой интерпретации.

Для Н.Н. Поппе модон гэр — это особое сочетание, которое можно уподобить английскому ironworks 'железодельный завод'¹⁶. Он называет их "композиата", т.е. сложными словами. Таким образом, речь идет о словесном членении текста. Ясно, что вопрос такого рода должен решаться не только прежде классификации, но и до выделения лексем: в результате членения текста на слова мы получаем исходный материал для лексем — словоформы. Мы не касались этого раньше, подразумевая, что общепринятые словесные границы в монгольских языках нас в большинстве случаев устраивают. Для спорных случаев могут быть применены критерии, отражающие два наиболее характерных признака слова как единицы одного из уровней членения текста, — цельность (критерий Дж. Гринберга) и идиоматичность (критерий Лу Чживэя)¹⁷. Эти критерии дают в основном идентичные результаты. Расхождения получаются для границ служебных формантов: по Дж. Гринбергу (критерий вставки) — это слова, по Лу Чживэю (критерий неограниченного варьирования граничащих элементов) — это аффиксы. Для случаев типа модон гэр получается наоборот: по Дж. Гринбергу — это сложные слова (вставка невозможна), по Лу Чживэю — два отдельных слова (варьируемость обоих компонентов не ограничена). В пользу точки зрения Н.Н. Поппе говорит неразделимость данного сочетания, но очевидно и другое: критерий вставки Дж. Гринберга для монгольских языков с их строгим порядком слов и распространенным примыканием — это слабый критерий.

Как бы там ни было, и Г.Д. Санжеев, и Ш. Лувсанвандан, и Н.Н. Поппе дают каждый свою, в чем-то обоснованную классификацию, но классифицируют они не лексемы в указанном выше смысле, а более объемные множества словоформ. В ряде деталей их классификации аналогичны подходу некоторых тюркологов, для которых существуют атрибутивные формы существительных, субстантивные формы прилагательных и т.п.¹⁸

Подводя итоги, можно сказать, что при любом подходе к классификации объект ее должен быть определен вполне конкретно, иначе мы лишаемся возможности отстоять свою точку зрения, какой бы она ни была. Хочется еще раз подчеркнуть, что определение лексемы — тот исходный пункт, от которого зависит конечный результат классификации.

2. Способы и цели классификации

Поскольку речь идет о языковой системе и ее элементах, мы должны отдавать себе отчет в том, что такая система "подчинена аристотелевской логике, т.е. всякий вид в логическом смысле (низший таксон) определяется ближайшим родом (высший таксон) и специфическим различием"¹⁹. Специфические, т.е. родовидовые, различия определяются признаками, которые мы, следуя В.Я. Проппу, будем выбирать согласно следующим соображениям: "1. Выделяемый признак должен отражать существенные стороны явления. Что считать существенным и что нет — определяется целями исследования, но есть и совершенно объективные критерии... 2. Избранный признак должен быть постоянным, а не изменчивым. Изменчивость признака говорит об изменчивости объекта, т.е. в конечном итоге о разных объектах, — то, что мы имели в виду, говоря об определении лексемы. — Е.К.] ...3. Признак, полагаемый в основу, должен быть сформулирован ясно и исключать возможность различного понимания и толкования его"²⁰.

Руководствуясь этими соображениями, обсудим возможные классификационные признаки.

То, что является общим для всех членов одной и той же лексемы, — это лексическое значение. Кажется наиболее естественным в значении же искать и классифицирующие признаки лексем. Словоизменение (состав лексемы) и синтаксис (дистрибуция словоформ) представляются вторичными признаками: "...едва ли мы потому считаем стол, медведь за существительные, что они склоняются:

скорее мы потому их склоняем, что они существительные"²¹.

Но какие именно семантические признаки следует считать существенными? Имеется немало вариантов классификации лексики, точнее, семантики словаря, составленных по априорным признакам. Эти признаки обычно выражаются в названиях классов: "вселенная", "человек", "человек во вселенной" и т.д. Последний из известных нам примеров — словарь Р. Халлига и В. Вартбурга²². Тематическая классификация такого рода широко использовалась в китайских словарях, она стала традиционной и была неизменной в течение столетий: один из последних примеров — монгольско-китайский словарь, изданный в Пекине в 1956 г.²³ Подобная классификация за-

думана как универсальная (ср. пятиязычный словарь Цяньлуна²⁴) и имеет определенное утилитарное значение. Но эта же универсальность мешает использовать ее при обращении к языковой системе конкретного языка: для изучения строя языка, для синтеза и анализа текста тематический словарь почти бесполезен.

По совершенно аналогичным причинам эффективному анализу языковых систем препятствует и универсальность классического подхода к частям речи. Классификация, восходящая к теориям античных и средневековых философов, в приложении к языку экзотической структуры значительно усложняет описание данного языка.

Умножается число правил, и усложняются сами правила как аналитической (текст→смысл), так и синтетической (смысл→текст) модели: перекрещивающиеся классы слов вызывают необходимость дублирования правил (пресловутые субстантивации и адъективизации в монгольских языках), некоторые фрагменты языковой модели описываются столь разноречиво, что не всегда можно понять, в чем, собственно, дело (взять хотя бы тот же пример с модон гэр) и т.д.

Сомнительно было бы в полной мере доверяться универсализму "семантических частей речи", как и других "понятийных категорий", но нельзя не отметить, что различия классификационных систем касаются главным образом частных, а различия в общих закономерностях оказываются "меньшими, чем можно было бы ожидать"²⁵. Правда, все дело в том, что для эффективности языковой модели нам важны именно частности. Например, для выражения понятия 'деревянный дом' надо соединить "предмет" с "признаком", но как это сделать в конкретном языке, не расшифровывая "понятийные категории"? Что там должно быть? Сложное слово муфан (кит.), сочетание существительного и прилагательного деревянный дом (рус.), сочетание существительного и другого существительного с предлогом дом из дерева (рус.)?

Никто не в состоянии извлечь "частности" такого рода из семантических определений частей речи. Интуитивно ясно, что понимается под "предметностью" существительного, "признаковостью" прилагательного и т.д., но интуиция оказывается недостаточной, чтобы объяснить, почему существительное обозначает "признак" (краснота), "действие" (бег), которые представляет "таким же самостоятельным или отдельным предметом мысли, каким оно всегда [?]". Е.К.Л представляет отдельную вещь или предмет внешнего мира"²⁶

С практической точки зрения семантические определения классов не удовлетворяют третьему из требований В.Я. Проппа, предъявляемых им к классификационным признакам (см. выше). Вероятно, надо несколько расширить подход к семантическому определению классов слов. По-видимому, следует рассматривать не инвариант класса, чисто семантический элемент, а знаковую категорию, т.е. считать категории типа "существительное", "прилагательное" не семантическими, а двусторонними: считать, что значение "предметность" ("субстантивность" и пр. - название не играет никакой роли, кроме методической) имеет свой план выражения, идентичный для каждого существительного.

В качестве аналогии возьмем категорию одушевленности / неодушевленности: ее можно рассматривать как чисто семантическую. Она гораздо более конкретна, чем, например, "предметность", и легко определяется для всякого конкретного слова. В ряде языков эта категория имеет даже морфологическое выражение, например в русском склонении. В монгольских языках одушевленность/неодушевленность выражена слабее (в дистрибуции и трансформационных признаках, иногда лишь статистически²⁷). Для монгольских

языков более существенным оказывается противопоставление лицо/нелицо. Эти значения наглядно проявляются в дистрибуции соответствующих лексем; например, в определительных конструкциях подлежащее, выражаемое существительным со значением "не-лицо", не оформляется родительным падежом: халх. хонь бэлчиж яваа хэндий 'долина, в которой пасутся овцы', ср.: Дамдины сууж байгаа хэндий 'долина, в которой живет Дамдин'.

Если категория подобного рода играет существенную роль в языковой системе, то она может найти выражение и в особом морфологическом классе местоимений: например, рус. кто/что выражает противопоставление одушевленности/неодушевленности, халх., бур. хэн/юу – противопоставление лицо/нелицо.

Исходя из сказанного, можно предположить следующую иерархию признаков: семантический признак → дистрибутивный признак → морфологический признак. Не исключено, что эти импликации относятся не только к синхронной иерархии, но отражают и историческое развитие, скажем, от аналитизма к агглютинации и флексии.

Следует отметить, что первое из указанных отношений – между семантикой и синтаксисом – выражено не вполне точно: здесь, скорее, двойная импликация: семантический признак ↔ дистрибутивный признак. Дело в том, что существует не только закономерность, согласно которой слово со значением "предметность" привычным образом занимает позицию, к примеру, подлежащего: залуу бэри эрэбэ 'пришла молодуха', но и другая закономерность, по которой лексическое значение слова претерпевает изменения, когда меняется его дистрибуция, например: залуу эрэбэ 'пришел юноша' – происходит то, что обычно называют субстантивацией²⁸.

Таким образом, имеет смысл рассматривать классную характеристику части речи как знаковую единицу вида

Семантика класса
дистрибуция класса

, отводя морфологии подчиненную роль показателя "закрепленности" тех или иных семантических и дистрибутивных признаков. В пользу того, что морфологические признаки выполняют лишь вспомогательную роль, приведем такой пример: "Какаду не склоняется, но сочетания мой какаду, какаду моего брата, какаду сидит в клетке достаточно характеризуют какаду как существительное"²⁹.

Дистрибутивные признаки как выразители общей лексической семантики должны исчисляться в полном объеме: признак класса слов – совокупность всех функций лексемы. При этом мы должны детализировать функции, иначе нельзя будет зафиксировать существенные признаки. Сказать, например, "определение" – явно недостаточно. Так мы сообщаем только о подчиненности определяемому, но не менее существенным оказывается и способ подчинения: халх. туулайн чих 'заячьи уши', туулай чих 'уши, как у зайца', халх. разг. нохойны дуу 'лай собаки', нохойн дуу 'звук (голос), похожий на собачий лай'.

Аналогичный пример можно привести, характеризуя подлежащее, которое может быть оформлено суффиксом личного притяжания, но

может быть и не маркированным. В халхасском этот признак выделяется Ш. Лувсанванданом как основной для разделения имен на "харьцааны бус нэр" (притяжание не обязательно) и "харьцааны нэр" (притяжание обязательно) – классы, сопоставимые с существительными и прилагательными соответственно³⁰. Очевидно, что рассматривать употребление слова в функции подлежащего без учета этих подробностей – значит игнорировать один из важных дистрибутивных признаков.

В конечном итоге при достаточно тщательном учете всех контекстов и функций мы можем получить таблицу примерно такого вида:

	Лексема 1	Лексема 2 . . .
Функция 1	+	-
Функция 2	+	+
. . . . .		
Функция N'	+	-

В перечень функций вносится по возможности все, в том числе и трансформационные признаки типа улаан туг 'красное знамя'/туг улаан 'знамя – красное', и возможность эллипсиса вроде зээрдэ морёо унаха 'оседлать своего рыжего коня'/зээрдээ унаха 'оседлать своего рыжего' и т.д.

Группируя столбцы с идентичными показателями ("плюсами" и "минусами"), мы получаем классы лексем, отличающиеся друг от друга большим или меньшим числом признаков и соответственно большей или меньшей разницей в семантике. Например, среди таких совпадающих по большинству характеристик слов, как хүн 'человек', мори 'конь', шэрээ 'стол', үдэр 'день', мы можем выделить үдэр как единственную среди этих лексем, употребляющуюся в роли немаркированного обстоятельства: үдэр ябахаб 'поеду днем'. По этому признаку үдэр сходится со словами типа хая 'сейчас', заримдаа 'иногда' и т.п. Однако вряд ли кому-то придет в голову строить классификацию таким образом, чтобы выделять класс "наречие", а внутри него подкласс "наречие-существительное" (слова типа үдэр 'день, днем', пүни 'ночь, ночью'). Порядок применения признаков в этом случае, как и в ряде других, очевиден: слова типа үдэр следует считать подклассом существительных, но не потому, что үдэр отличается от шэрээ меньшим числом признаков, чем от хая, а потому, что признаки, объединяющие үдэр и шэрээ, "главнее".

Этот вопрос – определение иерархии признаков – вообще основная проблема классификации. Здесь мы имеем возможность свести к минимуму классификационный произвол, обратившись к следующему критерию: наиболее существенные признаки класса, связанные с его инвариантным значением, – это дистрибутивные признаки основных словоформ (этот критерий приемлем для языков "алтайского типа", в которых основа всегда является самостоятельной словоформой; для других языков такую же роль играют "первичные функ-

ции" Е. Куриловича). С этой точки зрения можно ориентироваться на фундаментальное соответствие: подлежащее – существительное, определение – прилагательное, обстоятельство – наречие. Существительные, прилагательные, наречия – высшие таксоны именных классов, для которых перечисленные позиции основных форм – главные или "первичные".

Определяются эти классы по комплексу признаков. Существительное: кроме указанного признака (неоформленное подлежащее) имеет валентность на определения в виде прилагательных, существительных и других имен в атрибутивных падежах (родительный, совместный), не управляет комплетивными падежами, может быть несобратимым (в отличие от прилагательного) предикативным членом и т.д.

Прилагательное: обратимо в трансформации "определение – предикативный член" (улаан тут – тут улаан), подлежащее и другие комплетивные позиции – только маркированные и пр.

Наречие характеризуется более узкой дистрибуцией: для основной формы нет такого многообразия признаков, как для первых двух таксонов. Кроме того, состав наречной лексики сильно ограничен: например, дээрэ 'вверху' – дээшэ 'вверх' можно рассматривать как словообразование, а дээрэлээ 'сверху' – как аналитическую форму. Эти признаки позволяют ввести в данный класс и слова типа маш, нэн 'очень, самый', дистрибуция которых еще более узкая, чем у наречий пространственно-временных значений.

Таксоны следующих уровней выделяются по признакам, которые могут рассматриваться как второстепенные. Например, среди существительных имеется класс слов с пространственными и временными значениями (типа удар 'день', газар 'место'), которые в обстоятельственной позиции оформляются факультативно (но не все слова с подобным значением; например, үе 'период' обязательно оформляется в соответствующей позиции). Прилагательные делятся на качественные и относительные по употреблению/неупотреблению в сравнительных конструкциях. Большинство качественных управляют комплетивными падежами, но этот признак нерегулярен: одни прилагательные имеют валентность на дательный падеж (гайн 'хороший'), другие – на орудный (баян 'богатый'). Кроме того, отдельные относительные прилагательные также проявляют подобный признак (халх. залхуугаар домогт 'знаменитый своей ленью')³¹.

Среди качественных прилагательных могут быть выделены слова типа гайн – с более широкой дистрибуцией основных форм (см. выше).

Числительные по главным признакам примыкают к прилагательным, но имеют ряд особенностей. У них есть абсолютные и атрибутивные формы: таба, табан 'пять'. Морфологически (возможно, и исторически) вторичной, производной формой является атрибутивная, что для прилагательного, конечно, необычно. Кроме того, числительные имеют особую систему словообразования: таба(н), табандахи, табадугаар, табанта, табуула, табаад. Все это позволяет говорить о числительных как особом классе прилагательных или как о таксоне в другой классификации (см. ниже).

Наречия делятся на подклассы по аналогичным признакам. Это в первую очередь координатные (пространственно-временные) и усиленные. И те, и другие далее могут быть разделены на более мелкие группы по сочетаемости с другими словами и по управлению.

Параллельно с дистрибутивной классификацией можно произвести выделение семантических классов местоимений и числительных, для которых определение семантических признаков ("дейксис" и "количество") не представляет затруднений. Семантические классы перекрещиваются с дистрибутивными (т.е. это разные классификации): местоимения относятся к разным дистрибутивным классам, числительные распределены в "более узком кругу" прилагательных и наречий. Оба эти класса – замкнутые, они могут задаваться закрытым списком лексем (в отличие от любого дистрибутивного класса).

Местоимения – это своего рода морфологический индикатор частей речи: местоименные корреляты существуют для всех крупных именных классов (в монгольских языках – и для глаголов) и для многих мелких (ср. местоимения – числительные: халх. хэд(эн), хэдүүл, хэддүгээр и т.п.).

Междометия и звукоподражания, которые часто можно видеть в списках частей речи, не имеют отношения к нашей классификации, потому что не являются словами. Дело в том, что это единицы другого уровня членения текста – уровня предложений. И те, и другие – нерасчленяемые предложения различного содержания. Достаточным свидетельством в пользу этого служит их обязательное оформление цитирующим гэжэ.

Дистрибутивная классификация, построенная на реальных и существенных грамматических признаках, является важной частью языковой модели. Она выражает отношения, которые можно охарактеризовать как отношения между лексикой и грамматикой. Конкретное применение для такой классификации выражается в словарных пометках: указание на класс и подкласс лексемы дает полную "программу" ее употребления в тексте. Именно знание класса слова дает нам информацию о том, что «сочетания типа сайн унш "читай хорошо"... не могут восприниматься как "читай хорошее" в противоположность ном унш "читай книгу"»³²

В классификации, оперирующей столь крупными множествами объектов, неизбежно встречаются и объекты с пограничными признаками (кстати говоря, чем меньше подобных случаев, тем адекватнее классификация). Так же как, например, в зоологической систематике, здесь есть свои "утконосы" и "ехидны". Таковы слова аха 'старший брат, старший', дүү 'младший брат, младший' – существительные с валентностями качественного прилагательного (халх. Бат надаас хоёр ах 'Брат старше меня на два года'), но с ограничениями в типичных для прилагательного трансформациях. Бурятские слова олон 'много, многие', үсөөн 'мало, малочисленный' имеют признаки разных семантических классов (местоимений и числительных,) а среди прилагательных они выделяются вторичными

признаками: особый синтаксис формы олонтой, деривации типа олонто 'многократно', ср. также халх. олуул 'во множестве' и т.д.

Каждый такой случай заслуживает особой маркировки как специфический подкласс и рассмотрения в соответствующем разделе грамматики частей речи.

3. О некоторых сопутствующих проблемах и еще раз о модон гэр

Прежде всего – о наименовании классов. Возникает естественный вопрос: уместно ли называть данный класс лексем монгольского языка классом "существительных" ("прилагательных" и т.п.)? Думаем, что уместно, особенно если считать, что всякое обозначение так же хорошо, как и любое другое. Из этих соображений, плюс к тому – из либерализма, стоит сделать уступку традициям, привычке и т.д. Кроме того, как показывает педагогическая практика, новый метаязык с новой терминологией создает определенные методические трудности, и здесь "вливать новое вино в старые мехи" оказывается более продуктивным, чем пользоваться новоизобретенными ярыками. При этом, разумеется, нельзя поддаваться универсализму, связанному с терминами частей речи.

Заслуживает внимания соотношение классов и словообразования. Общеизвестно, что словообразование частей речи имеет классную специфику, и достаточно привычным и обоснованным выглядит рассмотрение словообразования по разделам и в терминах частей речи.

В один из таких разделов включается и пресловутое модон гэр. По-видимому, целесообразно выделить особую подсистему правил вроде немецкого *Wortbildung durch Zusammensetzung*³³. Монгольские композиты наподобие модон гэр и другие едва ли менее продуктивны и регулярны, чем немецкие сложные слова. Эта продуктивность облегчает поиски закономерностей и позволяет рассматривать такие модели в разделах грамматики.

Закономерности образования сложных слов в монгольских языках изучены далеко не полностью. Они вовсе не исчерпываются значением "материал" у первого компонента, как представлял "дело о модон гэр" Г.Д. Санжеев. Семантика таких сочетаний довольно разнообразна: халх. цасан орой 'снежная вершина', араг толгой 'голова в форме корзины', монгол гэр 'монгольская юрта', хел тормос 'ножной тормоз' и т.д. Во всех этих случаях мы видим

словоизложение, а не словосочетание³⁴, хотя отдаем себе отчет, что изоморфизм с атрибутивными словосочетаниями вроде цагаан гэр 'белая юрта' должен создавать чисто психологическую трудность такого представления. Соположения слов одного класса – так называемые "гендиадис" или "парные слова", которые не имеют атрибутивных синтаксических аналогов, сравнительно легко воспринимаются как композиты.

Разнообразие, однако, не означает неограниченной сочетаемости. Вряд ли сейчас кто-нибудь согласится со словами Н.Н. Поппе: "Любое имя функционирует в монгольском и как русское существительное, и как русское прилагательное"³⁵

Статус модой в модон гэр может быть представлен тремя способами: 1) компонент сложного слова, 2) одна из словоформ лексемы модо(н), 3) слово особого класса. Первый вариант мы считаем наиболее логичным с точки зрения нашего определения лексем и словоделения. Второй вариант требует другого определения лексем и дает иную классификацию: особый класс (или классы) существительных, употребляющихся атрибутивно. В третьем случае мы получим класс лексем, имеющих единственную словоформу и занимающих единственно возможную синтаксическую позицию. К прилагательным такие слова отнести затруднительно хотя бы потому, что они не могут участвовать в трансформациях "определение ↔ сказуемое".

Любое решение отражает одни аспекты явления и пренебрегает другими, но есть объективный критерий: наиболее эффективной будет та модель, которая даст адекватный результат при наименее сложном характере анализирующих и порождающих операций.

Примечания

¹ Началом дискуссии можно считать статью: Н.Н. Поппе. О частях речи в монгольском языке // Советское востоковедение. - М., Л., 1940. - С. 147-173.

² Щерба Л.В. О частях речи в русском языке. // Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. - Л., 1974. - С. 78.

³ См., например: Кондаков Н.И. Логический словарь. - М., 1975. - С. 137-138.

⁴ Бобровников А. Грамматика монгольско-калмыцкого языка. - Казань, 1849. - С. 55.

⁵ См., например: Орловская М.Н. Имена существительные и прилагательные в современном монгольском языке. - М., 1961. - С. 75.

⁶ Поппе Н.Н. О частях речи... - С. 168.

⁷ Санжеев Г.Д. Грамматика бурят-монгольского языка. - М.; Л., 1941. - С. 41.

⁸ Алексеев Д.А. Именные части речи в монгольских языках // Вопр. языкознания. - 1955. - № 3. - С. 42.

⁹ Санжеев Г.Д. К проблеме частей речи в алтайских языках // Вопр. языкознания. - 1952. - № 6. - С. 89.

¹⁰ В.М. Алпатов признает это тождество, поскольку для него лексема не является классом словоформ. См.: Алпатов В.М. Структура грамматических единиц в современном японском языке. - М., 1979. - С. 23.

¹¹ Этот выбор делается далеко не всегда: ср. словарную форму монгольского глагола - причастие на -х.

¹² Алексеев Д.А. Именные части речи... - С. 39.

¹³ Сочинения на эту тему Г.Д. Санжеева, Д.А. Алексеева, М.Н. Орловской, Н.Н. Поппе указаны выше. См. также: Лувсанвандан Ш. Орчин цагийн монгол хэлний бүтэц. - Улаанбаатар, 1968; Бертагаев Т.А. О комплексной характеристике частей речи // Вопросы теории частей речи. - М., 1968. - С. 240-243.

¹⁴ См., например: Чариков С.Л. Переход от синкретических форм к грамматическим разрядам слов в алтайских языках // Историко-культурные контакты народов алтайской языковой общности: Тезисы докладов XXIX сессии постоянной международной алтаистической конференции (PIAC). - М., 1986. - Т. II. - С. 124-125.

¹⁵ Изменение валентности в подобных конструкциях отмечено М.Н. Орловской: Имена существительные... - С. 65.

¹⁶ Поппе Н.Н. О частях речи... - С. 158.

¹⁷ О применении этих критериев см., например: Кузьменков Е.В. Опыт дистрибутивной классификации лексем монгольского языка // Учен. зап. ЛГУ. Востоковедение. - Л., 1980. - № 7. - С. 40-51.

¹⁸ См., например: Баскаков Н.А. Части речи и их функциональные формы в тюркских языках // Вопр. языкознания. - 1985. - № 1. - С. 42-49.

¹⁹ Любищев А.А. О некоторых противоречиях общей таксономии // Любищев А.А. Проблемы формы, систематики и эволюции организмов. - М., 1982. - С. 92.

²⁰ Пропп В.Я. Принципы классификации фольклорных жанров // Пропп В.Я. Фольклор и действительность. - М., 1976. - С. 41-42.

²¹ Шерба Л.В. О частях речи... - С. 79.

²² Схему этого словаря см.: Принципы описания языков мира. - М., 1976. - С. 339.

²³ *Mongγol udqa-jin jüil qubijaysan toti bičig.* - Beijing, 1956.

²⁴ Об этом словаре см., например: Мальцева Е.В. Пятиязычный маньчжуро-тибетско-монголо-уйгурско-китайский словарь // Труды Бурятского комплексного НИИ. Сер. востоковедная. - Улан-Удэ, 1960. Вып. 3. - С. 261-265.

²⁵ Яхонтов С.Е. Понятие частей речи в общем и китайском языкознании // Вопросы теории частей речи. - М., 1968. - С. 77.

²⁶ Стеблин-Каменский М.И. К вопросу о частях речи //

Стеблин-Каменский М.И. Спорное в языкознании. - Л., 1974. - С. 23.

²⁷ См.: Кузьменков Е.А. Лексический пассив и категория одушевленности в монгольском языке // Вестн. ЛГУ. - 1980. - № 8. - С. 117-119.

²⁸ Ср. экстремальную точку зрения Г.Ц. Пюрбеева: "Все слова со значением качества, свойства и количественного признака, употребляясь в позиции подлежащего, обязательно подвергаются субстантивации" (Пюрбеев Г.Ц. Грамматика калмыцкого языка: Синтаксис простого предложения. - Элиста, 1979. - С. 131).

²⁹ Шерба Л.В. О частях речи... - С. 80.

³⁰ Лувсанвандан Ш. Орчин цагийн... - С. 22.

³¹ Ш. Лувсанвандан использует признак комплетивной валентности для выделения "чанарын харьцааны нэрс" - "имен качественных отношений" (см.: Лувсанвандан Ш. Орчин цагийн... - С.24).

³² Поппе Н.Н. О частях речи... - С. 161.

³³ См.: Jung W. Grammatik der Deutsche Sprache. - Leipzig, 1966. - S. 394 ff.

³⁴ Указанные примеры рассматриваются как словосочетания в книге: Рагчаа Б. Орчин цагийн монгол хэлний бодит нэрийн холбоо үг - Улаанбаатар, 1975. Там же можно найти богатейший материал, иллюстрирующий всю сложность данной проблемы.

³⁵ Поппе Н.Н. О частях речи... - С. 158.